

Вниманию читателей предлагается перевод фрагмента книги немецкого исследователя Герхарда Гилбига, посвященной истории возникновения и развития психолингвистики.

**Герхард
Гилбиг**

**Противопоставление модели
бихевиоризм – ментализм***

В 60 годы в США уже говорят не об одной только психолингвистике. Существуют – принятые во внимание традиционной психологией языка – два самостоятельных направления психолингвистики: с одной стороны, психолингвистика, базирующаяся на классическом структурализме и необихевиоризме (прежде всего Ч. Осгуд), которая исследует язык как вербальные отношения; с другой стороны, – психолингвистика, вырастающая из идей генеративной грамматики Н. Хомского (прежде всего, Миллера и его школы), которая трактует язык и языковую деятельность как врожденную языковую способность [ср.: Леонтьев 1975: 7]. За этим различием стоит противопоставление модели между бихевиоризмом и ментализмом как для лингвистики, так и для психологии [Хельбиг 1970: 297]. Проще говоря, речь идет о следующем различии: психолингвистика до 1957 года занималась, прежде всего, словами, была ориентирована на ассоциативные и детерминированные объекты (установление связи между стимулом и реакцией), и языкознанием занималась только в узком смысле; психолингвистика же после 1957 года занимается, прежде всего, предложением, направлена на систему правил и характеризуется очень сильным влиянием со стороны лингвистики [Енгелькамп 1975].

Более ранняя фаза американской психолингвистики находилась под существенным влиянием Ч. Осгуда, который пытался

---

* Modellgegensatz Behaviorismus // Mentalismus Entwicklung der Sprachwissenschaft seit 1970/ Gerhard Helbig –Leipzig, 1986, 323 s. – S.274-278.

оформить психолингвистику в общую коммуникативную теорию. Хотя классический структурализм дистрибутивной разновидности был последовательно антипсихологической направленности (языковое описание должно было быть свободным от «психологизма»), в информационно-теоретическом смысле связанная с ней психолингвистика имела дело с «процессами кодирования и декодирования» (процессами передачи сообщений партнерами по коммуникации) [Осгуд, Себеок 1965: 4; Леонтьев 1969: 107; Гаугер 1973: 299; Хартунг и др.]. А.А. Леонтьев в этом случае правомерно заметил, что таким образом незнакомые величины дефинируются с помощью ещё более незнакомых. Однако здесь уже встречаются два существенных различия [Леонтьев 1975]. Появляется дифференциация между единицами языка и единицами, употребляемыми говорящим, если он говорит на своём языке, то есть единицами, которые говорящим узнаются интуитивно. Далее дифференциация появляется между лингвистическими и психологическими единицами, с одной стороны, и собственно психолингвистическими единицами языка – с другой. Эти психолингвистические единицы есть «такие сегменты сообщений, которые, встречаясь в целом в процессах кодирования и декодирования, подчиняются межплоскостному анализу.

Одновременно всё же ставится вопрос о «психологической реальности лингвистических единиц», вопрос, который позднее – при ориентировании психолингвистики на генеративную грамматику – должен был стать центральной проблемой и, по меньшей мере, может быть заключен в представлении о том, что структура языка сама частично и непосредственно может быть воспроизведена в вербальном поведении.

Более поздняя фаза американской психолингвистики характеризуется через генеративную грамматику Н. Хомского, из которой, прежде всего, Миллер, вывел новые проблемные установки для психолингвистики. Одним из существенных исходных пунктов для переориентации психолингвистики является осознание несоответствия между «входом» и «выходом» в онтогенезе речевого развития. Это проявляется в частности в том факте, что дети, которые учат язык, знают значительно больше, чем они могут получить из предложенных первичных языковых

данных своего непосредственного опыта, что они владеют врождённой теорией потенциальных структурных описаний. «Ребёнок, который таким образом познал язык, знает, конечно, количественно больше, чем он заучил. Его знание языка, как оно детерминируется с помощью его внутренней грамматики, выходит за пределы через первичные предложенные языковые данные и ни в коем случае не является индуктивной генерализацией из этих данных. Эта модель непосредственно для изучения языка может быть парафразирована в качестве описания того, как лингвист...оправдал бы грамматику, которую он сконструировал для языка на основе первичных языковых данных» [Хомский 1969: 49].

Между тем для психолингвистики становится существенной высказанная Н. Хомским мысль о «коренном различии между языковой компетенцией (знание говорящим/слушающим своего языка) и применением языка, вернее сказать функционированием (актуальным употреблением языка в конкретной ситуации). «Для лингвиста так же, как и для ребёнка, изучающего язык, возникает проблема: как из данных использования языка определить заложенную в его основу систему правил, которую говорящий имеет в своём распоряжении и которой он начинает пользоваться при актуальном применении языка. Поэтому языковая теория является скрытой в определённом сознании, так как она заботится об обнаружении скрытой действительности, которая лежит в основе актуального поведения» [Хомский 1969: 14]. Несмотря на это, генеративная грамматика (как описание имманентной языковой компетенции идеального докладчика/слушателя) не является моделью говорящего и слушающего, она ничего не говорит о том, как слушающий или говорящий практически могли бы находить выход (это относится к теории применения языка). Всё же «благоразумная модель применения языка будет интегрировать генеративную грамматику как базовые компоненты, которые выражают языковое знание говорящего/слушающего; но эта генеративная грамматика не представляет никаких указаний для характера функционирования одной модели для воспринимающего речь или порождающего ее» [Хомский 1969: 20].

В то время как среди других аспектов задача лингвистики состоит в том, чтобы описать идеализированную компетенцию, для психолингвистики главными задачами становятся:

а) исследовать применение компетенции при фактическом процессе говорения, то есть установить психические факторы, которые (дополнительно к компетенции) определяют применение языка, то есть в конце концов развить и проверить модель применения языка;

б) разработать модель для усвоения языка (онтогенез).

Неоднократно Н. Хомским делался акцент на том, что эти психолингвистические модели могут быть сконструированы только на основе лингвистической модели компетенции. Он внёс конкретный вклад лишь в психолингвистическую «интеграцию» своей лингвистической модели – кроме указаний на условия памяти, других психических факторов (таких, как рассеянность, внимание, интерес), на различия между «грамматичностью» и «приемлемостью» [Хомский 1969: 13; Хельбиг 1970: 300]. Против этого имелись многочисленные эксперименты и заключения Миллера и его школы, которые предпринимают попытку обосновать правила компетенции в применении языка, например, установить отношение между имеющимися грамматическими трансформациями и необходимым временем для операций в вербальном поведении по принципу – «больше трансформаций – больше операций».

С точки зрения генеративной грамматики отношения между лингвистикой и психологией исчерпываются всё же не тем, что лингвистика должна была разработать, в первую очередь, модель компетенции, и психолингвистика, во вторую очередь, модель языкового применения. Многократно подчёркивалось мнение о самой компетенции, как «одной ментальной реальности, которая лежит в основе актуального поведения», вхождение лингвистики в психологию, восприятие языковой теории как части психологии (и психологии как части биологии) [Хомский 1976]. Выдвигается требование относительно того, чтобы психологическое толкование стало необходимой основой для теории грамматики. В этом смысле Хомский говорит о «необходимости генеративной грамматики», сначала исходя из внешних причин (на уровне дескриптивной адекватности), то есть из

обоснования соответствия языковым фактам, потом – из внутренних причин (на уровне толкования адекватности), то есть по причине их отношения к лингвистической теории, которая допускает выбор из возможных грамматик. Это, в сущности, является вопросом построения теории обучения языку, «объяснения специфически врождённых особенностей, которые делают возможным достижение результата». Вместе с тем как внутреннее, так и внешнее оправдание грамматики, в конечном счёте, исследуется со стороны психологов. Грамматика должна быть выстроена с самого начала таким образом, чтобы она охватывала генерализацию, которая содержится в языковых знаниях и которая предоставлена в распоряжение организму в качестве основной базы вербального поведения, чтобы она так охарактеризовала структуру языка, как будто она представляет собой результат в организме. Из этого следует логичная основная идея для начатых психолингвистических исследований, базирующихся на этой теоретической основе, целью которых было доказать психологическую реальность лингвистической грамматики (то есть релевантность её единиц и правил для вербального поведения). Основная идея, которая была центральной для действующей психолингвистики, базирующейся на генеративной грамматике, в то же время впоследствии привела к большому количеству альтернативных решений.

Уже из этой двойственности отношений между лингвистикой и психологией теоретически вытекает множество возражений, изложенных противоположной стороной:

1. Так как языковая компетенция не является самостоятельной вне психики, ставится вопрос о проблеме разграничения компетенции и применения языка, вопрос, возможна ли выработка правильного механизма компетенции на основе наблюдаемых данных применения языка (если языковая компетенция заложена в основе психолингвистического механизма применения языка и владения им).

2. С другой стороны, вопрос ставится таким образом: как может быть сконструирована модель для языкового поведения, когда содержание компетенции психологически не является значимым, не смешивается ли таким образом в теории «языкового поведения» концепция обычного говорящего и лингвиста?

3. Понятие «компетенция» [Хомский 1969: 40] применяется «систематически» многозначно, в одном случае во внутреннем представлении теории языка, в другом – как лингвистический допуск к ней; фактически смешиваются два понятия, которые не являются идентичными: правила в языке и правила говорящего в языковом поведении. Язык, таким образом, становится языковой способностью: «Всё, что содержит грамматика одного языка, должно находиться в голове говорящего на этом языке, каждое слово языка имеет своего «близнеца» в субъективном лексиконе. Правила оперирования при производстве и восприятии языка идентифицируются с правилами оперирования языком, как «мёртвым телом».

©Бурмистрова Т.Н., перевод, 2006